

РАС-ШАМРА или вновь найденная финикийская литература

Проф. Ш. Виrolло *

Имя Рас-Шамры в настоящее время знаменито в мире археологов и хорошо известно образованным людям, но в публике не знают толком, что собственно представляет собою Рас-Шамра, в чем суть и значение находок, сделанных в указанном месте, расположенном на Сирпийском побережье, напротив острова Кипра, в пятидесяти километрах к югу от устья Оронта.

Первоначальным открытием мы обязаны случаю, как это, впрочем, часто бывает в области археологии. В апреле 1928 г. проходивший здесь крестьянин нашел на берегу несколько глиняных черепков, которые он принес домой. В течение двух дней об этом стало известно по всей округе, а на третий день известие это было передано в Бейрут губернатором ближайшего города, каковым является Латтакэ, главный город алауитов. Отдел древностей немедленно произвел расследование. Оказалось, что эти фрагменты сосудов являются остатками инвентаря небольшой, но очень хорошо сооруженной могилы, тип которой совершенно неизвестен в Сирии, но дает полную аналогию с некоторыми гробницами, найденными когда-то на побережье Кипра и относящимися к XII столетию до н.э.

Академия надписей и литературы решила немедленно произвести раскопки вокруг этой гробницы.

Начиная с марта 1928 г. приступила к работе экспедиция под руководством г. Клода Шэфера; с тех пор были проведены восемь кампаний, и девятая проводится в настоящее время.

Из этих раскопок мы узнали, что здесь были между XX и XI сто-

* Проф. Ш. Виrolло (Ch. Virolleaud, Paris)—член французской Académie d'inscriptions et des belles lettres—виднейший ориенталист. Открытием, рисунками и изданием текстов Рас-Шамры наука в значительной степени обязана ему.

летиями большой город, под названием Угарит, который имел деловые связи со всеми странами восточной части Средиземного моря. Приблизительно в 1400 г. город этот был навсегда разрушен завоевателями, пришедшими с запада и с севера с Эгейских островов и из Малой Азии.

Большое количество всякого рода предметов было найдено в развалинах Угарита, и многие из них представляют значительный интерес для истории древних цивилизаций Передней Азии. Но рядом с изобразительными памятниками здесь оказались остатки библиотеки, которая состояла, как и библиотеки Вавилона и Пинневи, из глиняных табличек, покрытых с обеих сторон знаками, которые принято называть клинообразными. Однако в то время как письмо в Месопотамии состоят из нескольких сот знаков, каждый из которых представляет собой одно слово или один слог, письмо Рас-Шамры имело только тридцать знаков; таким образом, сразу же, еще до того, как было расшифровано хотя бы одно слово, можно было с уверенностью сказать, что здесь мы имеем дело с настоящим алфавитом. Расшифровка представляла много трудностей, так как не имелось хотя бы самого короткого текста двух- или трехязычного. Но здесь не место излагать, каким образом эта задача была решена, так как наша цель—дать просто короткое обозрение этих документов, которые странным образом почти все относятся к мифологии, а именно—к мифологии финикийцев.

* * *

Конечно, и до 1930 г. были хорошо известны боги Финикии, в частности, имя Ваала и производные от него, как Велзевул и Баал-Пегор. Но история этих богов, легенда о них, их природа, их личность—все это было нам почти совершенно неизвестно.

Теперь дело существенно изменилось, так как таблички Рас-Шамры представляют собой, в итоге, приблизительно 3 000 строк письма. Само собой понятно, что речь не идет о сплошном тексте; мы имеем лишь разрозненные отрывки, и в этих фрагментах, даже в тех, которые сохранились лучше других, затруднения в интерпретации часто весьма велики, хотя язык Рас-Шамры находится в весьма близком родстве с еврейским в отношении грамматики и еще больше—в отношении лексики.

Однако с этими оговорками, которых не следует упускать из виду, можно сказать, что открытие Рас-Шамры и его мифологических табличек является самым значительным открытием, которое когда-либо было сделано в области финикийских исследований, а также, в известном отношении, в области библейских исследований.

* * *

Во главе финикийского пантеона находится бог Эл, имя которого означает именно «бог». Эл является действительно богом *par excellence*; он является отцом всех других богов, а также и отцом

людей; его называют также творцом мира; но тексты, которые до нас дошли, не содержат никакого намека, кроме этих кратких эпитетов, на сотворение мира или на сотворение человека. Они не восходят так далеко; мало того, они не восходят даже до потопа!

Фрагменты, которыми мы располагаем, ставят нас перед вселенной, уже вполне организованной, и к тому же довольно плохо организованной, как будто. И действительно, все эти боги и богини, а их имеется 70, находятся в постоянной борьбе друг с другом; они ссорятся беспрестанно, и эти ссоры заканчиваются обычно бойнями и убийствами.

Из всех детей Эла двое играют выдающуюся роль и являются главными действующими лицами, а именно: бог Ваал и богиня Анат. История или миф о Ваале и Анат представляется нам в настоящее время, как наиболее древняя форма другой истории, которая была весьма известна в течение долгих столетий: истории Адониса и Астарты.

Таким образом, имена героев этой драмы изменились, вернее, не остались точно теми же: если в а л означает хозяин, то а д о и, из которого греки сделали Адонис, означает господин; мы имеем здесь, следовательно, однозначные термины. Впрочем, существованию различия между мифом о Ваале и мифом об Адонисе удивляться не следует, так как, по крайней мере, 10 столетий протекло от эпохи, когда таблички Рас-Шамры были составлены, до того времени, к которому восходят наиболее древние классические документы, касающиеся Адониса. Но если детали разнятся, то сущность та же: именно это я хотел бы доказать или, по меньшей мере, показать.

* * *

Адонис был молодым охотником, которого богиня Астарта встретила в лесу Ливана в сезоне анемон, т. е. весной. Через несколько месяцев после этого, во время охоты, Адонис был убит диким зверем, по мнению одних—кабаном, по мнению других—медведем. Астарта, оставшись одинокой и безутешной, решила сойти в землю, в подземный мир, для того, чтобы отобрать Адониса у смерти. Ей удалось, действительно, вернуть молодого бога к свету дня. Тогда она омыла ему раны, помазала его редчайшими благовониями и добилась, к своей великой радости, возвращения ему жизни.

Вот, в двух словах, сюжет этой трагической идиллии, которую рассказывали не только в Финикии, но и в Александрии, в Афинах и почти повсюду на берегах Средиземного моря. То не была просто легенда, каких много, то было также в поэтической форме религиозное учение, причем одно из наиболее популярных; его популярность, без сомнения, обуславливалась и его поэтической формой. Это учение имело еще приверженцев в конце IV столетия нашей эры, так как св. Иероним передает, что при его жизни женщины собирались вблизи Вифлеема в определенные дни года, чтобы сообщно оплакивать смерть Адониса.

Если мы вернемся теперь к Рас-Шамре и проанализируем легенду о Ваале и Анат в том виде, в каком она изложена на наших глиняных табличках, мы получаем следующую общую картину.

Анат является, по существу, богиней жизни. Благодаря Анат, только благодаря ей, дыхание передается от рода к роду для того, чтобы расширять грудь живущих.

Что же касается Ваала, то он представляет собой не вечную жизнь, а жизнь перемежающуюся, жизнь, которая рождается или возрождается каждой весной, которая распускается в течение лета, чтобы зачухнуть и, наконец, исчезнуть осенью. Ваал в сущности — это жизнь растений, тех растений, от которых зависит существование животных и существование людей, а также и богов, поскольку они могут существовать лишь при условии, что люди будут заботиться об их питании. А чем другим люди могли бы питать богов, если не мясом животных? Чем могли бы они их напоить, если не вельями винограду, как говорят по-финикийски?

Почему прекрасные дни так скоро прошли? Почему растительность живет лишь несколько месяцев? Почему земля не производит в течение всего года того, что необходимо для жизни созданий? На этот вопрос отвечали: это потому, что Эл, отец богов, не захотел, чтобы это так было, а бог Мот — имя которого означает смерть, тоже не захотел. И так они решили, Эл и Мот, по взаимному согласию с начала времен и навеки, что Ваал, хотя он и сын бога и сам бог, не будет бессмертным.

Необходимо было, следовательно, чтобы так или иначе Ваал имел защитника или защитницу. Именно эта роль и предоставлена богине Анат. Вся деятельность Анат устремлена к этой единственной цели: поддерживать авторитет Ваала, и, если с ним случится какое-либо несчастие, иначе говоря, если он умрет, то вернуть его к жизни.

С самого начала поэмы, в том виде, в котором она перед нами, Анат тоном, не допускающим возражений, приказывает различным людям, плохо определенным, вследствие пробелов в тексте, служить Ваалу и почитать его и прежде всего давать ему есть и пить. Мужчины и женщины, которым она дала распоряжение, начали служить Ваалу и почитать его по мере своих сил. Но со временем, или, может быть, через короткое время, — причем нельзя выяснить причину этого — гневные поклонников остыло, культ Ваала оказался вскоре в пренебрежении, а возможно, и был заброшен полностью.

Тогда Анат, охваченная самым яростным гневом, бьет сплеча: она истребляет, во-первых, людей города; имеется просто город — нельзя определить, где происходит действие. Затем она уничтожает население берега моря, очевидно Средиземного моря. Наконец, она убивает человечество Востока, людей, живущих на восходе солнца. Так это значится в тексте. Насытившись убийствами, богиня с величайшим удовольствием взирает на возвышающуюся у ее ног кучу голов, которые она отрубила, в то время, как в воздухе над ней тучей саранчи летают руки, которые она также отрубила. Тогда она берет эти руки и головы и привязывает или вешает их в виде трофеев на холм, где построен ее храм; затем она радуется от всей

души, или, повторим сильное выражение поэта, печень ее наполняется смехом, а сердце радостью.

Вот какова была Анат, когда дело шло о том, чтобы отомстить за честь Ваала. Между тем, честь Ваала находилась постоянно под угрозой, и не только честь, но и жизнь. Для того, чтобы Ваал жил, необходимо было, чтобы он имел свой собственный дом. Анат хочет, чтобы этот дом был построен на Цафоне, горе Севера. Не теряя времени, богиня посылает партии дровосеков в лес Ливана или Сприона, который называется также Хермоном; и дровосеки рубят кедров. множество кедров, и самых красивых, из которых сделают бревна для двери и всю мебель дворца Ваала.

А так как стены этого дворца или храма должны быть из кирпича, то Анат решает, что эти стены будут покрыты золотом и серебром. главным образом, золотом: золота будет в 10 раз больше, чем серебра. А потом надо иметь золото также и для того, чтобы изготовить сосуды, которые будут служить для приношений и жертвенных возлияний: будут, следовательно, тысячи серебряных сосудов и миллиарды золотых сосудов.

Сама Анат становится во главе экспедиции. Она заявляет об этом с гордостью: «Я пойду,—говорит она,—и я заново золото»—золото, которое на финикийском языке называется харус; греки впоследствии переделают его в хризос.

Однако клад, к которому стремилась она, хорошо охранялся, как все клады во всех мифологиях. И действительно, свирепые чудовища бодрствовали возле него и защищали подступы к нему, и в особенности двое из них, имена которых пишутся так: Тин и Лти.

По Тин—это Таинци, дракон Ветхого завета, а Лти—это Лотан, Ливнатан Ветхого завета, которого мы называем Левиафаном.

Лотан, говорят, имел несколько голов, именно 7, и это был змей извивающийся и неуловимый.

Мы уже знаем, через пророка Исайю, что Левиафан был змеем называющимся и неуловимым, а также, что он имел несколько голов. И оказывается, что не только представление о Левиафане, но и слова, которыми он описывается, точно совпадают в тексте Рас-Шамры и у Исайи, хотя между эпохами этих текстов имеется промежуток в восемь столетий.

Анат удается сломить все препоны; она не доходит, однако, до того, чтобы убить Таинци или Левиафана; она удовлетворяется тем, что заставляет их молчать, и для этого она их связывает и надевает на них намордники.

Теперь, когда Анат обладает всем тем золотом, в котором она нуждается, богиня, как будто, получила возможность без дальнейшего промедления построить, согласно своему пламенному желанию, храм, в котором Ваал найдет, наконец, убежище.

Все же кой-чего еще нехватало. Нехватало, если можно так сказать, даже самого существенного, а именно—разрешения отца богов. Анат следовало, как будто, подумать об этом раньше; она этого не сделала, и тогда только она чувствует границы своей власти. Итак. безусловно необходимо, чтобы она отправилась к богу Элу и умолила

снять запрет, который он наложил когда-то на своего сына Эваля.

Перед тем как сделать этот решительный шаг, Анат, хотя она храбра и так предприимчива, явно колеблется. Но в то время, когда Эвал в таком состоянии, один из богов, имя которого Алейян, подходит к ней и сообщает ей тайну. Он, Алейян, сумел узнать случайно, чем шепчутся между собой деревья в лесу, и даже то, о чем чуть слышно говорят камни на горе. Ему удалось, кроме того, уловить те признания, которые небеса делают ночью земле, а также понять смысл тех стонов, которые исходят неустанно из чрева океана и восходят к звездам.

Все эти шумы, смутные или чуть различимые, которые может уловить лишь ухо бога, Алейян передает богине Анат, он открывает ей их смысл и значение.

О чем шептали или чуть слышно говорили все эти голоса? О чем передавали они весть, как говорит поэт? Это ясно не сказано, но, принимая во внимание предшествующее и последующее, словом, принимаемая во внимание контекст, можно—и без сомнения—признать, что протяжную жалобу, которая в разных выражениях проходит через всю природу и потрясает ее как бы дрожью, можно выразить словами, которые постоянно повторяются в нашей поэме, как рефрэн, и которые, очевидно, представляют собой упрек по адресу бога Эла: Ваал не имеет дома, как другие боги.

При этом единодушном протесте всех стихий, в ответ на этот громкий голос, раздающийся из всех царств природы, и отзвук которого сообщил Алейян, Анат, воспрянувшая духом, решает пойти к богу Элу и заступиться за Ваала.

Итак, она идет, попирая землю ногой.

Она направляется в ту страну, где реки впадают в «оба океана».—очевидно, Средиземное и Красное моря,—там, на границах Аравии—в Южной Палестине, или Идумее, пребывает обычно, если не постоянно, бог Эл.

Как только бог замечает издали идущую к нему Анат, он начинает говорить и произносит великую клятву, смысл которой, впрочем, трудно уточнить. Потом он предлагает Анат изложить, в чем состоит ее ходатайство. Но Анат на этот раз не решается говорить; она, очевидно, более способна действовать, чем говорить. И когда, наконец, она, в свою очередь, начинает говорить, то она это делает только для того, чтобы добиться благожелательного отношения высшего бога; чтобы успеть в этом, она дает ему обещание: она обязуется сделать его более молодым или, по крайней мере, вернуть седым или редеющим волосам и бороде бога их первоначальный цвет, который, как называется, был красным, или даже, как кровь, красным.

Бог Эл, вероятно, не остался нечувствительным к обещаниям богини Анат, но он бог весьма осторожный; он не берет на себя обязательства необдуманно, поэтому он отвечает лишь в двух словах: «Я знаю, о моя дочь, что ни одна из богинь не столь ловка, как ты. Но что желаешь ты точно, скажи мне».

И Анат, возобновляя речь, собирается сказать ему, чего она точно

желает. Однако сразу она этого не говорит. Она ограничивается тем, что выражает свое преклонение перед богом-отцом. И она это делает в самых общих выражениях:

Твое решение,—говорит она,—это сама мудрость.

Такая же правда, что ты обладаешь вечной жизнью.

Мудрость—твой удел,

И поэтому твоё решение—закон для нас.

Таким образом, Анат заранее подчиняется распоряжениям бога, полагается на него, во всяком случае она это говорит.

Наконец, она приступает к цели своего ходатайства; она напоминает,—впрочем, очень кратко,—что боги взволнованы тем особым положением, которое создано для Ваала, для Ваала, который не имеет собственного дома.

Хотелось бы знать, что ответил тогда бог Анат своей дочери. Но здесь у нас нет текста, и ничто в данное время не позволяет его дополнить. Между тем, нет сомнения, что ответ был благоприятный, так как, когда текст возобновляется, то видно, что архитекторы заняты собиранием материалов, необходимых для постройки дома Ваала, тогда как золотых дел мастера направляются к своей кузнице и берут в руки свои клещи.

Вскоре дом оказывается законченным, и происходит торжественное открытие его. Делаются обильные возлияния и приносятся бесчисленные жертвы, начиная с ширококрылых быков и кончая годовалыми ягнятами и телятами. Мы имеем здесь, с весьма малой разницей, такой же ритуал, как и тот, который ознаменует впоследствии открытие иерусалимского храма царем Соломоном.

Тогда Ваал садится на трон и дает распоряжения об управлении миром, хозяйном которого он стал в свою очередь.

Но суждено было богу Ваалу иметь лишь кратковременные успехи. И действительно, тем временем враги его сговорились. Ваалу удалось восторжествовать, главным образом, если не единственно, благодаря поддержке своей сестры Анат; но в этом доме, построенном с большим трудом и дорого стоящем, не долго придется ему жить.

Действительно, это было, говорит поэт, в сезон, когда поникает оливковое дерево—произведение земли; однажды, когда Ваал бродил по полям, он встретил вдруг на своем пути вместо ланей или газелей, которых он искал, свору свирепых созданий, которых зовут пожирателями; они имели рога, как быки; Мот—бог смерти—поставил их здесь нарочно.

И в этот день, так как бдительность Анат ослабла, Ваал, хотя он и боролся изо всех сил, вскоре пал. Он падает на землю, и тело его остается лежать на равнине.

Смерть эта причиняет Анат, естественно, сильнейшее огорчение. Она горько плачет и пьет свои собственные слезы, «как если бы это было вино», как если бы в ее горе таилась какая-то радость или какая-то большая надежда.

Затем с помощью богини Солица—для Солнца смерть Ваала тоже была великим горем—Анат уносит на своей спине бога; она уносит его на вершину горы Севера, где она его хоронит.

Потом Анат приносит на могилу Ваала шесть жертв, причем каждая из них состоит из 70 животных, 6 гекатомб, или около того: 70 волов, 70 буйволов, 70 овец, 70 баранов, 70 каменных баранов и 70 антилоп. И все это для того, чтобы дать возможность богу просуществовать, плохо ли, хорошо ли, в течение его отсутствия или, если можно так сказать, в течение его смерти.

Мы находимся, действительно, в стране и в эпоху, в которой, как это уже сказал Ренан, смерть не понималась, как жестокая и как окончательная; в ней видели нечто опасное, но привлекательное, ей отдают себя и в ней усыпают.

Анат во всяком случае хорошо знала, что смерть Ваала была именно такого рода. Ее поклонники тоже это знали, благодаря долгому опыту; ведь с незапамятных времен смерть эта наступала один раз в году, и каждый год, не позже, чем через 6 месяцев, Ваал воскресал.

Однако, несмотря на опыт или на привычку, каждый год поклонники Анат, а может быть и сама Анат, испытывали всегда в течение краткого времени беспокойство или томительную тоску, особенно, когда задерживались первые дожди или когда они выпадали в недостаточном количестве.

В общем каждый год возникал вопрос, не близится ли конец света. Если оказывалось, что можно избежать катастрофы или задержать ее, если конец света отдалится, кого следовало благодарить, если не богиню Анат?

Действительно, воскресение Ваала не происходило, так сказать, автоматически, оно не было самопроизвольным! Недостаточно было окликнуть Ваала или даже приносить жертвы на его могиле, нужно было, кроме того и главным образом, разыскать и преследовать убийцу—убийцу Ваала, т. е. Мота.

И только, когда его нашли, настигли и наказали, когда его разрубили пополам и рассеяли по ветру его останки, тогда только Ваал мог показаться вновь; тогда земля покрывалась снова растительностью, которая не является только простым украшением и как бы символом жизни, но есть сама жизнь; без нее люди, а также и боги умерли бы все до последнего...

Но убежище, где прячется убийца Ваала, знает только Анат. Поэтому Анат преследует его, Анат спрашивает у него, что он сделал с Ваалом—своим братом. И Анат, наконец, низвергает убийцу ударом меча, подобно тому, как жнец срезает колос.

Главную роль, следовательно, играет Анат, которую, настанет день, назовут Астартой. Хотя смысл этого имени—Анат—нам неизвестен (так же, впрочем, как и имя Астарты), очевидно, что богиня Анат—Астарта, как называли ее египтяне—эта богиня с двойным именем действительно представляет собой жизнь. Она не является силой природы, наряду с другими; она сама мощь природы, иначе говоря—душа вселенной.

Чтобы добиться своей цели, богиня ни перед чем не останавливается. Она уничтожает, если надо, целые народы,—мы это видели. И это не жестокость с ее стороны или действие каприза: Анат просто

идет прямо к своей цели, которая состоит в том, чтобы обеспечить спасение мира.

Так финикийцы объясняли постоянный круговорот вещей и самую сущность вещей.

Мы это, правда, угадывали и раньше, поскольку нам была известна, и очень давно, легенда об Адонисе. Но легенда об Адонисе нам была передана писателями александрийской и римской эпох, когда мифологи сравнивали легенды Востока с легендами Греции и старались объяснить одни легенды другими, поэтому точно не было известно, что имелось восточного или оригинального в мифе о божественном охотнике и об Астарте—его любимой.

Теперь мы это видим лучше, потому что мы обладаем в настоящее время первоначальным текстом, и хотя этот текст и неполон, но он, по крайней мере, без интерполяций, без ошибок переписчиков, без каких бы то ни было ретушировок.

Поэмы Рас-Шамры являются, действительно, единственными подлинными документами финикийской литературы. Правда, древние говорили, что Финикия с очень далеких времен давала историков и поэтов. Но ученые не решались верить этим древним свидетельствам, к тому же не было решительных доказательств. Мы не знаем, имела ли Финикия действительно историков, но раскопки в Рас-Шамре доказали, что во всяком случае Финикия имела уже своих поэтов в середине второго тысячелетия до нашей эры.

И случилось так, что эта финикийская литература, которая считалась навеки потерянной, была открыта как бы чудом не в Тире или Сидоне—этих метрополиях Финикии, но в развалинах одного из городов Верхней Сирии, покинутого три тысячи лет назад.

* * *

Приблизительно полвека назад, сидя у камина, Анатолий Франс увидел, как возникла перед ним тень старого Кадма, того Кадма, который олицетворял в глазах греков Финикию и финикийцев.

Кадм явился в тот вечер А. Франсу и имел на голове синий колпак, сделанный в виде рыбьей головы и усеянный звездами. Он был одет в пурпурное платье, на котором вышиты были изображения животных, и держал в одной руке весло, а в другой—табличку.

Сон Анатолия Франса сегодня сбылся. Потомки старого Кадма действительно писали на табличках и, можно добавить, на глиняных табличках.

Что же они писали на этих табличках?

Легенды вроде тех, которые я рассказал на этих нескольких страницах.

